

ГРИГОРИЙ КАЦ

Письмо из прошлого

Григорий Кац

Письмо из прошлого

«Издательские решения»

Кац Г.

Письмо из прошлого / Г. Кац — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854364-7

Будущее может быть самым разным, прошлое же неизменно. Прошлое — это всего лишь один из возможных вариантов развития событий, но тот самый — сбывшийся, единственный, неоспоримый вариант, воплощённый в реальности. Откуда мы родом? Из прошлого, даже если оно страшное. Куда мы движемся? В будущее. И пусть оно окажется хоть чуточку светлее настоящего...

ISBN 978-5-44-854364-7

© Кац Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
Глава вторая	16
1	16
2	18
3	20
Глава третья	22
1	22
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Письмо из прошлого

Григорий Кац

© Григорий Кац, 2017

ISBN 978-5-4485-4364-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Поезд, тяжело отдуваясь, медленно въехал на платформу полустанка. Издав победный гудок и пыхтя отработанным паром, паровоз с огромной звездой на тендере замер в ожидании своей дальнейшей судьбы. Бригада путевых рабочих не спеша отцепила огромный паровоз, и тот медленно покати к водокачке. На платформе выстроились красноармейцы, внимательно наблюдая за закрытыми теплушками. Было раннее утро, и из теплушек никто не выходил. Это и немудрено, потому что поезд литерный, в теплушках были и красноармейцы, возвращавшиеся из Европы с Победой, и лица, освобожденные из концлагерей, и арестанты в зарешеченных вагонах.

В особом вагоне были дети, чьи родители погибли в застенках немецких лагерей смерти. Оставшиеся в живых, испытав всю трагедию гибели близких, ехали в неизвестность в чужую страну-победитель с надеждой на новую жизнь. Прodelав неблизкий путь в теплушке через всю Европу, эти дети, связанные общей трагедией, изредка, когда это было дозволено, выходили на платформы незнакомых станций, чтобы подышать свежим воздухом свободы; без войны. Их можно было отличить от обычных детей по однообразной монастырской одежде – длинным, почти до земли коричневым платьями с белыми кружевными воротничками, а главное – по их унылым обреченным лицам детей, не знавших детства.

Это были девочки из европейских стран разного возраста, от шести до двенадцати лет, разной национальности и с разными языками. Их собрали в церковных общинах для отправки в СССР для дальнейшего воспитания и образования. Руководство страны решило, что эти дети должны стать в будущем пропагандистами развитого социализма Страны Советов, а главное – не забывать, что их приютила страна-победитель фашизма и германского империализма. Конечно, девочки ничего этого не знали и не понимали целей своего путешествия. Но главное, что в пути их кормили, они ехали в теплушках, где не холодно, с ними была монахиня из Гданьского костела, которая утром и вечером заставляла девочек молиться и благодарить Господа за свое освобождение.

В пути дети объединились по национальному и языковому принципу и жили своеобразными маленькими общинами, помогая друг другу. Роза и Марыся, примерно одного возраста, всю дорогу развлекали сами себя бесконечными играми в камешки и страшными рассказами про кладбища и мертвецов, от которых сами дрожали от страха. Старшие девочки пытались выпытывать друг у друга интересные эпизоды их коротких жизней, путешествий, довоенных друзей и знакомых. Про родителей пытались не вспоминать – это табу. Иногда монахиня запевала какую-то заунывную монастырскую песню или католический псалом. Тогда девочки подпевали ей, и на глазах у некоторых были слезы.

Поезд остановился. Было раннее утро. Некоторые дети спали, а самые непоседливые разглядывали в щели теплушки незнакомые строения и людей. Монахиня отодвинула засов дверей теплушки и свежий морозный воздух проник в вагон

– Выходить нельзя. Видите на платформе стоят вооруженные солдаты? Будут стрелять в непослушных

– Матушка София, но у нас совсем нет воды. Может, можно попросить сбегать за водой? Марыся с Розой прыгнули на платформу.

– Мы мигом.

Матушка София не успела что-то сказать, как Марыся стрелой помчалась к водопроводному крану, из которого текла вода. Стоящий поблизости красноармеец крикнул: «Стой, стре-

лять буду!», вскинул винтовку и нажал на курок. В тишине мартовского утра выстрел прозвучал как гром среди ясного неба. Марыся споткнулась и замертво упала на рельсы. Коричневое платье окрасилось алой кровью.

– Ааа!! – завопила Роза, и криком закричала матушка София, заливаясь слезами.

– Побег! – коротко прокомментировал красноармеец. – Шаг влево, шаг вправо —буду стрелять без предупреждения.

– Да ребенок хотел набрать воды!

– Я сказал – побег! Такой приказ. Поезд литерный. Никто не имеет права выходить из вагонов без разрешения.

Роза упала на платформу, залившись слезами. К вагону уже бежал комендант поезда – армейский майор.

– Кто стрелял, что случилось?

– Попытка побега, – отрапортовал красноармеец.

Майор уставился на солдата.

– Ты в своем уме? Не можешь отличить арестанта от ребенка?

– На ней не написано, арестант она или нет. У нас приказ: шаг вправо, шаг влево – побег.

Поезд литерный, приказ стрелять в случае побега.

К вагону приближался комендант станции, подполковник НКВД.

– Что за выстрел?

– Боец охраны сержант Сидоров! – отрапортовал стрелявший красноармеец. – Побег, товарищ подполковник. Вот из этого вагона.

Подполковник молча развел руками, хмуро оглядев солдата. Поглядев на майора, сказал:

– Ничего не поделаешь, приказ. Давай, майор, зайдем в помещение и составим протокол.

Хоть война и кончилась, люди все равно напряжены. Ты же везешь арестантов? Вот поезд номерной, выставлена охрана. А вдруг на самом деле арестант попытался сбежать? Ты бы тогда протоколом не отделался. Сам понимаешь...

– Но ведь он видел, что это ребенок.

– Видел. Но ты знаешь, на каком языке и о чем она разговаривала со своей подружкой? Не знаешь! И солдат не знал. Подпиши протокол и оформи выбытие одного человека. Мы оставим девочку здесь и утром похороним на местном кладбище. Бывает...

Обитатели теплушки уже проснулись и рыдали навзрыд. Некоторые девочки повыпрыгивали из вагона, пытаясь подойти к Марысе. Красноармеец передернул затвор винтовки.

– Назад. Буду стрелять!

– Где есть костел? – рыдая, обратилась Роза к проходившему мимо железнодорожнику. Мужчина только пожал плечами и отвернулся. Станция была маленькая, и вряд ли кто-то знал, что такое костел.

– Марысю нужно отпевать и похоронить по польскому обряду, – обратилась Роза к матушке Софии.

– Молчи, дочь моя. Нас победители везут в свою страну из милости, поэтому ты должна молчать, что твоих родителей фашисты сожгли в печах. Мы все – дети врагов народа. Пленные – это люди предавшие свою Родину. Молчи, терпи и благодари Бога, что осталась жива.

Паровоз, набравший воды, медленно задним ходом приблизился к составу. Звякнули сцепки, зашипели ожившие тормоза. Дети забрались в вагон и закрылись в теплушке. Все молчали, всхлипывая. Поезд набирал ход. Матушка София начала тихонько читать молитву, и девочки присоединились к ней, разматывая про себя весь ужас происшедшего.

2

Комендант поезда медленно прохаживался вдоль теплушек, отдавая приказания младшему офицеру.

– Лейтенант, сначала будем отправлять арестованных, затем больных и раненых, а в последнюю очередь беспризорных из третьего вагона.

– Но это займет как минимум часа три, – возразил подчиненный. – Дети там задохнутся в вагоне.

– Делай как приказано. Они без присмотра, и старая монашка их не удержит. Их всех постреляет охрана. Ничего, пусть немного образумятся. Ты слышал, что произошло на разъезде?

– Слышал, чего уж там. Недоглядели...

– Уж больно ты сердобольный, лейтенант. Они – дети врагов народа. С ними нужно строго. Вот так...

И комендант сжал кулак.

– Но война уже закончилась...

– Нет, не закончилась. Ты знаешь, чьих они родителей? А сколько родичей-недобитков у них в Европе осталось? То-то. За ними глаз да глаз. У нас свои беспризорные по городам шляются. А тут еще этих корми...

– Страна большая, прокормим какнибудь. Чем дети виноваты?

Станция Нежин была заполнена ранеными, выздоравливающими, мужиками и бабами, принесшими какой-то скарб или нехитрую еду на продажу. Раненые неохотно выходили из теплушек, пересаживаясь на подводы, направлявшиеся в лазарет. Те, что поздоровее, шли своим ходом, держась за подводы. Стоял невообразимый шум и гам, какой всегда присутствует на станциях после прибытия поезда. В третьем вагоне, где ехали девочки, стояла необычная тишина. Кто-то смотрел сквозь щели вагона на непривычную суету на перроне, кто-то искал по вагону разбросанные вещи, а кто-то тихо дремал в уголке. Непоседливая Роза перебегала от одного бока вагона к другому, прислушиваясь к незнакомому говору снаружи. Вдруг она крикнула:

– Они говорят по-польски, вот послушайте.

– Это не польский, а украинский говор. Украинцы столетиями жили рядом с поляками. Поэтому ты их понимаешь. Когда ты только родилась, Сталин захватил часть польских земель и разделил с Гитлером Польшу. Эти украинцы не католики, как мы, а православные, но Господь у нас один, – высказалась монашка.

– Но если хорошо слушать, то можно понять, что они говорят, – ответила настырная Роза. —А когда нас уже выпустят из вагона?

– За нами должны приехать из приюта. А пока сидите тихо.

Наконец двери теплушки раздвинулись и строгий мужской голос скомандовал:

– Выходи по одному. Строиться...

Девочки послушно спустились на деревянную платформу и неловко построились в шеренгу, кто как.

– Вас не учили строиться по росту? – спросил офицер. Ему никто не ответил, потому что не знали языка, на котором была команда. Человек грубо схватил старших девочек, которые были повыше ростом и поставил их впереди колонны, затем оглядев всех остальных, сказал:

– Ну ладно, сойдет и так.

Затем обратился к монашке:

– Где списки прибывших?

Монашка молча подала офицеру листок бумаги.

– Я сейчас буду называть фамилии, а вы будете отвечать коротко: «Я!». Вам ясно?

Переключка немного затянулась, так как офицер с трудом читал латинские буквы, путаясь в произношении. Не услышав или не поняв свою фамилию, девочки в строю молчали. Тогда офицер, повысив голос, дважды или трижды называл фамилию, с разным ударением. Дойдя до фамилии Марыси, офицер сказал:

– Закон военного времени. Строго, но справедливо.

– Она только хотела набрать воды, – заикнулась Роза.

– Говори нормальным языком, – перебил ее офицер. – Я директор вашего приюта, главный и безоговорочный командир. Хотите быть понятыми – учите русский язык. А теперь кругом! Шагом марш вон к тем телегам. Садитесь по шесть человек, чтобы можно было считать. И не забывайте: шаг вправо, шаг влево – побег. Я буду стрелять. Всем ясно?

Дети молча потянулись к телегам, усаживаясь поудобнее, положив свои нехитрые вещицы себе на колени. Стало понятно, что 11 дней, проведенные в теплушке с монахиней Софьей, были самыми счастливыми днями в их коротких жизнях.

Но дети есть дети. И даже в этой жестокой ситуации они находили маленькие детские радости. То снегири на таявшем снегу, то ошалелый зайчишка, выбежавший из рощицы, то лай собак, – все то, что давно было забыто и выпало из памяти, возвращалось на место. Их удивляло все. И мазанки-хатки с плетнями вокруг дворов, и украинский говор людей, попадавшихся навстречу, и их одежды, и крестные знамена справа налево. Звон церковного колокола, редкие монахи в черных ризах и огромный каменный свод, который принял маленьких беглянок в свои объятия. Шесть телег въехали под мрачные своды и остановились посреди монастырского двора.

– Строиться! – раздалась команда. Девочки, утомленные путешествием, событиями прошедшего дня, новыми впечатлениями, с трудом кое-как двигались молча. Забрав свои узелки построились. Офицер оглядел вновь прибывших.

– Вас тридцать душ. Тут у нас еще пятьдесят, итого вас восемьдесят. Вы будете жить в монастырском трапезном зале. Завтра вас распределят по классам – будете учиться. На построение вас будет звать колокол. Кто опоздает – будет наказан, останется без обеда. Меня звать «товарищ капитан». Так и зовите. Ваши воспитатели и учителя будут жить с вами. Их слушаться беспрекословно. Даю вам месяц на обучение русскому языку. А сейчас разберите свои кровати, и через полчаса будет обед.

Капитан развернулся и, хромая, пошел прочь.

3

Таким запечатлелся первый день пребывания Розы Дрезнер в стенах приюта. Впоследствии она часто вспоминала этот день – день знакомства с новой родиной, которая так жестоко обошлась с Марысей.

Монастырь, куда привезли детей из Европы, был выложен из неотесанного камня, занимал большую площадь, имел тайные подвалы, где хранились кости умерших монахов, причисленных к лику святых. В 30-е годы всех монахов расстреляли, как людей, сеявших «опиум для народа» – ненавистную большевиками религию. Но впоследствии бум уничтожения церковей немного стих, а с началом войны Сталин решил восстановить утерянное было православие и разрешил проводить богослужения под надзором и контролем НКВД. Оставшиеся церкви, ставшие складами и овощехранилищами, очистили и превратили в молитвенные дома. Постепенно православие вошло в жизнь людей и в конечном итоге оказало существенную роль в Победе. А монастыри, и женские, и мужские, были расформированы и отданы под учебные заведения, госучреждения, архивы и военные склады.

Розе легко давалось изучение русского языка. Только незнакомая кириллица и непонятные склонения существительных вместе с предлогами не давали покоя. Почему нужно простой предмет, например, конь или лошадь, запоминать вместе с предлогом, окончанием, и еще по родам. Нет, чтобы проще, как в английском, – когда предмет не изменялся, а изменялись только предлоги: на столе, под столом, у стола, к столу. Но и это препятствие Роза быстро устранила, и вскоре могла уже прилично болтать по-русски.

Девочки быстро перезнакомились с обитательницами приюта-монастыря, которые были одного возраста с вновь прибывшими. С разными судьбами, с разным уровнем знаний, разной культурой. Некоторые были взяты прямо из тюремно-воспитательных учреждений, некоторых отлавливали из подвалов и подворотен. Те, кто постарше, пытались установить свои порядки, тюремно-лагерные, но «товарищ капитан» быстро пресек эти попытки, хотя с удовольствием выслушивал жалобы воспитанниц на нарушения дисциплины старшими ученицами.

Все занятия по школьной программе происходили в одной огромной комнате, служившей в прошлом общей молитвенной. Разбившись на «классы», девочки читали, писали, рисовали и даже пели. Розе нравился предмет «природоведение», где молоденькая «учителька» с увлечением рассказывала о видах рыб, цветах, деревьях, животных и прочих земных тварях. Про горы, долины, другие страны, моря, реки и океаны. Ничего этого Роза, как и другие воспитанницы, не знала. Они подолгу просили свою «училку» рассказывать о природе, придумывая в своих мечтах путешествия по разным континентам и морям. После окончания этих рассказов они возвращались в обыденную скудную обстановку, с полуголодным рационом, надзором и режимом. Раз в неделю в монастырь привозили мешки с одеждой, и девочкам приходилось разбирать, штопать и складывать эту одежду в отдельные пакеты. Это были собранные на поле боя или снятые с убитых солдат галифе, гимнастерки и нижнее белье – выстиранное, но требующее женских рук солдатское обмундирование.

Постепенно жизнь в монастыре налаживалась. Приезжали новые воспитанницы, в основном дети, оставшиеся без родителей, забитые и униженные. Возможно, дети врагов народа, без национальностей и прошлого. Они вливались в общую массу воспитанниц, вносили свои коррективы в процесс воспитания и быта. Появились красные галстуки, и их торжественно надевали на самых лучших. Классы тоже постепенно переходили в отдельные кельи, где раньше жили монахи. И через несколько лет монастырь стал похож на учебное заведение – с директором, завучем, пионервожатой, звонками с урока на урок. Даже трапезную перегородили, и девочки могли жить в более или менее сносных условиях, разделенные по возрасту. Старшие

девочки были определены в Нежинскую женскую школу и могли беспрепятственно выходить из монастыря в дневное время.

У Розы появились новые подруги, с которыми она дружила, ссорилась и хранила тайны. Она уже училась в 6-м классе и по-прежнему увлекалась ботаникой и природоведением. Ее не интересовали девчоночьи игры с веревкой или расчерченными «классами». Она раскопала в монастырской библиотеке, чудом сохранившейся от уничтожения, книги и манускрипты о животных, растениях, устройстве мира, звезд и строении человека. Написаны они были на старославянском, церковном языке с иллюстрациями и подробными описаниями. С трудом разбирая церковную вязь, Роза укреплялась в желании изучать природу и животный мир.

4

За годы, проведенные в монастыре, Роза сблизилась со своей первой там учительницей Людмилой Станиславовной. Свободное время Людмила с удовольствием проводила с любознательной воспитанницей в библиотеке, растолковывая ей сложные конструкции жизни живых организмов и растений. Она не рассказывала Розе о том, где получила образование и знания биологии. Но, видя живой интерес Розы к этому предмету, всячески пыталась возбудить в ней тягу к научным знаниям. Людмила рассказывала Розе о технических училищах, которые в СССР стали развиваться по всей стране. Во многих из них, кроме технических профессий, были курсы садоводов и животноводов. Страна нуждалась в зоотехниках и работниках сельского хозяйства. В мечтах Роза уже ехала в Киев, чтобы поступить в ФЗУ на профессию садовода. Нужно было закончить успешно 7-й класс и получить характеристику для поступления.

Людмила Станиславовна с грустью смотрела на успехи своей ученицы. Из всех учениц приюта никто из девочек не изъявил больше желания учиться ботанике. Модно было стать швеей, токарем или слесарем. Юные девушки уже видели себя работницами огромных светлых цехов, где работает много юношей, есть комсомольские организации и интересные вечера и походы. Там начиналась послевоенная жизнь, в которой все мечтали преуспеть.

Однажды Роза застала свою учительницу в слезах и та под большим секретом рассказала Розе, что она беременна. Когда Роза попыталась расспросить, как это произошло, Людмила потеряла сознание. Когда она очнулась, ее стало тошнить. Кое-как умывшись и приведя себя в порядок, девушка рассказала Розе, что вот уже почти год встречается с «товарищем капитаном» – директором приюта Петром Ивановичем.

Все началось с того, что Петр Иванович как-то подвез на своей машине Людмилу в город. Людмила по-прежнему жила в отдельной келье монастыря, но иногда выходила в город за покупками. В тот раз Петр Иванович терпеливо ходил, хромая, вместе с Людой, помогая отоваривать продуктовые и товарные карточки. По дороге они много говорили и Людмила из его слов узнала про жизнь «товарища капитана». По его словам, он вырос в семье офицера, прошедшего горнила гражданской войны. С детства Петю готовили к военной службе, и когда пришел возраст, его призвали в армию. Он с гордостью отмечал и всегда подчеркивал, что рекомендацию ему подписал сам комдив Буденный, который был близко знаком с его отцом. Петра определили в войска НКВД, из которых через три года он был направлен на офицерские курсы. Уже будучи офицером, Петр столкнулся с безжалостной и бесконтрольной системой, где все поступки оправдывались партийной необходимостью. Самоуправство и беспредел были нормой, а попытки населения взывать к справедливости ограничивались круговой порукой и «честью мундира». Более того, жалобщика ждали изуверские пытки, как например – расстрел главы семьи на глазах его близких, и многое другое, что держало в страхе перед всемогущими «органами» население Советского Союза. Внутри системы царил свой непререкаемый порядок подчинения младших – старшим офицерам. А старшие, чувствуя свою безнаказанность, сеяли страх не только среди граждан, но и стали в конце концов внутренней полицией среди обычных войск.

Когда началась война с немцами, Петр уже имел за плечами опыт борьбы с предателями и трусами в солдатской форме. Много было тех, кто дезертировал, прячась от войны по подвалам своих подворий. Соседи, видя неладное, «стучали» на трусов, и НКВД приходилось доставать таких «вояк» и прилюдно приводить в исполнение приказ военного времени – расстрел за дезертирство. Петр со смехом рассказывал Людмиле, как вытаскивал спрятавшегося дезертира из подвала, как тот плакал, целовал его сапоги и с соплями умолял его не расстреливать.

Свою рану в колено Петр получил в 43-м при форсировании Советской армией Днепра на Лютежском плацдарме под Киевом. Хоть руководители операции с гордостью отчита-

лись перед Сталиным за удачную фальсификацию переправы, – солдат обмануть было трудно. Они понимали, что их гонят на убой, без артиллерии и танков, и авиации – ради другой, скрытой переправы, которая в конечном итоге увенчалась успехом для Советской армии. Вот тут-то и приходилось силой заградотрядов и показательными расстрелами поднимать «боевой дух» солдат, идущих на верную смерть. Случайная пуля раздробила Петру колено, и он почти на полгода оказался в лазарете. После выздоровления его комиссовали и направили на «воспитательную работу».

– А в основном он умный и порядочный, и я не жалею, что связалась с ним, – подытожила свой рассказ Людмила Станиславовна.

Просто, когда она рассказала Петру про свою «беду», тот несколько дней ходил хмурый и не разговаривал с ней. А плакала она потому, что Петр предложил ей бросить работу и уехать к его родственникам в Тамбов. То есть просто сбежать без спросу и официального оформления. Он сказал, что впоследствии она сможет вернуться, и они поженятся.

– Мне не нравится это предложение, как будто я дезертир, сбежавший с трудового фронта. Но Петя сказал – так надо, иначе у него могут быть проблемы из-за аморального поведения в школе. Еще Петя сказал, что сам отвезет меня на станцию, купит билет и даст письмо с адресом родственницы в Тамбове.

У Людмилы никаких родственников нет, и она вынуждена согласиться.

– Он отвезет меня на соседний разъезд, где поезда останавливаются, чтобы набрать воды, – потому что боится, что их увидят вместе и наплетут невесть что.

Они расцеловались почти как подруги и попрощались до лучших времен. Людмила обещала написать Розе из Тамбова, как только туда доберется.

– Ехать придется через Москву, – восторженно мечтала Людмила. – Представляешь?! Москва! С Киевского вокзала нужно добираться до Курского на метро! А там день пути – и Тамбов...

Петр Иванович совсем не разделял восторгов своей сожительницы. В принципе он хотел отправить Людмилу к родственникам, где она сможет спокойно родить ребенка и затем вернуться на работу в приют. Он даже убедил ее написать заявление об увольнении без даты, но его беспокоил телефонный звонок из управления НКВД.

– Петр Иванович, – сказал незнакомый полковник строгим тоном. – Чего ты там накуролесил с подчиненными? Откуда знаю? У меня там, кроме тебя, работает агентура. Они и доложили. Нехорошо, товарищ капитан. Бдительность потерял. Да я не про то. Ты мужик, и дело в общем-то житейское. Но есть проблема. Ты хорошо знаешь Людмилу? Изучал личное дело? А ты знаешь, с кем она водит дружбу и поддерживает связи? Нет? Так я тебе скажу. В Нежине есть некая семья Вербы Николая Григорьевича, бывшего репрессированного еще в 37-м. Его продержали год ипустили, чтобы проследить его связи с националистами. Вот туда и ходит твоя пассия еженедельно по вечерам. Есть сведения, что там гнездо националистов, и на своих сходках они читают запрещенную литературу. Как ты мог так опростоволоситься? Под крылышком твоей школы враги пускают корни! Давай, решай этот вопрос кардинально, иначе будет расследование и тебе не поздоровится. На тебя уже есть ориентировка. Так что думай и решай. Даю три дня сроку...

Петр, обескураженный таким поворотом, молча ходил из угла в угол своего кабинета. Ему нравилась Людмила, потому что она была единственной душой, кто проявлял к нему не жалость и сочувствие, а уважение и, возможно, любовь. Он и сам ловил себя на нежных чувствах к этой молоденькой учительнице, почти девочке, которая доверчиво улыбалась ему и отдавалась со всей страстью первых чувств. Неужели она враг? Не похоже. Но полковник зря не будет страшать, и ему все равно, беременна Людмила или нет. «Дело житейское...» Но связь с националистами – это серьезно. Надо решать. «Своя агентура у него, понимаешь...» Следят... За каждым шагом следят, ловят каждое слово и «стучат».

Ранним утром, когда еще не рассвело, Петр усадил Людмилу в фронтовой «виллис» и повез к станции.

– Будем ехать через рощу. Так ближе.

Людмила, дрожа от прохлады раннего утра, ничего не ответила.

– Как хочешь.

Ей жаль было расставаться со своими ученицами, неприхотливым бытом приюта, с Петром, к которому привязалась всем сердцем, и немного страшило будущее.

– Людмила, давай пройдемся немного, еще есть время. Я хочу посадить тебя на поезд так, чтобы никто нас не увидел.

– Хорошо, – тихо ответила Людмила, чья голова была забита путающимися мыслями. Она прошла немного вперед и оглянулась, чтобы взять Петра за руку. Последнее, что она увидела —это была вспышка выстрела ей в лицо. Выстрела Людмила не услышала...

5

Роза так и не дождалась от Людмилы Станиславовны обещанного письма.

– Ей наверное, сейчас не до меня. Новый быт, новые люди, незнакомая обстановка, предстоящие роды...

Постепенно она стала забывать Людмилу, хотя Розе не хватало общения с умной, начитанной наставницей. Роза уже ходила в нежинскую школу-семилетку и вся была поглощена учебой. Как и прежде, она редко играла со своими сверстниками, которые стали ее сторониться и называть зубрилой. Учеба давалась Розе легко и почти по всем предметам у нее была оценка «отлично», за исключением физкультуры. Преподаватель Петр Петрович Анохин, бывший гимнаст, заставлял девочек висеть на перекладине и выполнять групповые пирамиды, вставая на плечи друг другу. Роза под всякими предложениями отлынивала от ненужных, как ей казалось, тупых упражнений, не носящих никакого смысла. На переменах она спрашивала у подруг, какой смысл в этих «пирамидах». Ей охотно отвечали, что это система новейшего физического воспитания советской молодежи, а пирамиды с флажками – это взгляд в будущее послевоенной страны. Роза только пожимала плечами.

– Лучше бы мы бегали или ходили на лыжах; а еще лучше – занимались военной подготовкой типа БГТО. Ведь была до войны всесоюзная программа ОСОАВИАХИМ, где все юноши и девушки занимались и гимнастикой, и военной подготовкой.

Как бы услышав ее, в школе ввели военную подготовку, где изучали материальную часть оружия, химзащиту и первичную медицинскую помощь. Это Розе нравилось, и она с удовольствием посещала эти уроки. Русским языком Роза владела безупречно, только легкий акцент выдавал в ней иностранку.

Роза выросла высокой статной девушкой и мечтала не о мальчишках, а о серьезных знаниях в избранной ею отрасли – ботанике. Семилетку Роза Дрейзнер закончила с отличными оценками. Анохин, в конце концов, сжалившись над сиротой из приюта, выставил ей оценку «отлично».

Лето Роза провела со своими подругами-выпускницами из приюта: ходили на Остер, вернее на «резерв» – своеобразный приток реки, гуляли по Нежину, и с нетерпением ждали новой, почти взрослой жизни в училище, где студентов селят в общежитиях, дают стипендию и готовят к взрослой жизни. Девочек волновало еще то обстоятельство, что в училище они будут учиться вместе с мальчиками. И как это повлияет на их знания и внешность, а главное – на общение с неизвестным полом? – вот что занимало юные головы в первую очередь.

Глава вторая

1

– А куда ребенка?
– Определим куда-то. Страна большая. Надеюсь, нам не откажут...
– Смеешься... Кто же откажет кандидату в члены политбюро?
– Никаких политбюро, понял? Просто определить в детский дом как безымянного, без родителей, погибших в автокатастрофе. И чтоб ни имени, ни фамилий, ни соседей, ни родственников. Мало, что ли, безымянных детей по стране. Действуй...

– Мальчик, как тебя зовут?
– Антоса Лойсман.
– Ты знаешь, где твой дом?
– Москва, Слетенский бульвал, дом... забыл...
– Нет, малыш. Тебя зовут Алексей Петров, Алешка, и ты живешь в Серпухове. Ну-ка повтори: в Серпухове...

– В Селпухове...
– Запомнил? Молодец. А папы и мамы у тебя нет...
– Нет, есть: мама Лоза и папа Яков.
– Валентина, заberi ребенка, он устал и хочет кушать...
– Алешка, ты хочешь кушать?
– Я не Алоска, я Антоска.
– А сегодня будешь Алешка. Иди кушать...
– Я Антоска, Антоска, Антоска...

– Не волнуйтесь, товарищ...
– Скажем... товарищ Сидоров.
– Да мне все равно. Был звонок из ЦК партии, и мы сделаем все, как полагается. Этот мальчик будет Алексей Петров, не помнящий своих родителей, погибших в аварии. Есть свидетельство о смерти семьи Петровых?

– Все есть, документы в этой папке. Может, переведете мальчика куда-нибудь подальше от Москвы?

– Я сказала: не о чем переживать. Домов ребенка в стране множество. Хотите, хоть в Туркмению отправим.

– Нет, он должен быть в пределах досягаемости. Его родители, настоящие родители – враги народа и, возможно, будут искать ребенка. Через него мы сможем проследить и за ними. КГБ этим уже занялось. Ребенок живой – это наш козырь. Больше ничего сказать не могу.

– Мы уже имеем опыт в таких делах. Перевод из одного детдома в другой, запутать следы... Мы так часто делаем, чтобы родители не смогли найти своих детей, которых уже забрали в другую семью. В инструкции так прописано.

– Ну ладно, не буду вас учить. До свидания.

В серпуховский детдом Алексей Петров вернулся уже повзрослевшим. Что было за это время в стране, его не интересовало: кончина Брежнева, бескомпромиссное правление бывшего главы КГБ Андропова, Черненко, а затем Горбачева – застало «скитальца» уже школьником. Ничего этого он не понимал, а просто жил, как все дети без родителей. Как и все,

он надеялся, что его заберут в семью, и часто вместе с другими детьми смотрел из окна, как их вчерашних друзей по играм уводят новые родители. А за Алексеем никто никогда не приходил, и его даже не приглашали на «смотрины» для новых пап и мам. Свыкнувшись с мыслью, что никаких родных у него нет, мальчик замкнулся в себе и перестал об этом думать. Он даже не узнал и отделение дома ребенка в серпуховском детском доме, куда его, двухлетнего малыша, привезли в первый раз. Какие-то смутные образы: люди, которых уже не было в Доме, возможно, столовая или спальня навевали какие-то воспоминания, но в целом Алексей не помнил ничего, и лишь покорно переезжал из одного детского заведения в другое, оставляя там друзей по играм и прогулкам.

Школа располагалась прямо при детском доме; вернее, детские группы плавно переключивались в первые классы и учились вплоть до четвертого, а затем всех учеников переводили в обычные близлежащие школы, где они заканчивали неполную среднюю школу или получали аттестат, как обычные школьники.

Самым ярким воспоминанием о школьных годах было противостояние лидеров бывшего СССР, обстрел танками Белого Дома. Толпы людей с лозунгами и плакатами и внезапное исчезновение воспитателей и руководства Дома, растерянность комсомольских вожakov и пионервожатых. Алексей с друзьями гонял на электричке в Москву, чтобы своими глазами увидеть то, о чем вещали по «ящику». Он так и не смог для себя представить, что означает развал СССР, суверенитеты бывших республик, появление Ельцина, массовый отказ от партбилетов. Все это проходило перед его глазами, как во сне. Не успев побыть ни октябренок, ни комсомольцем, он не мог ощутить трагедию людей, державшихся на партийной дисциплине и не представлявших себе жизни без указаний партии и правительства. Его больше интересовало другое...

В школе появился новый преподаватель географии, который увлек учеников любовью к окружающей природе, вернее – к горам. Его увлекательные рассказы о восхождениях на горные вершины Монблан и Джомолунгму, горное снаряжение, товарищеская выручка, мерзлота и сходжение лавин – все, как завораживающий фильм, проходило перед глазами Алексея. Ему нравилось, как Николай Николаевич с увлечением рассказывал о морях и океанах, реках и озерах Земли, их обитателях и племенах, о народах, живущих на планете. Ничего этого не было в школьной программе, но на юные восторженные умы, судьбою освобожденные от партийной коммунистической риторики, транспарантных лозунгов и воздушных замков загнивающей системы, новые веяния горбачевской перестройки, на которую возлагали надежды передовые страны Европы, сильно повлияли. Николай рассказывал выпускникам своего класса о новых технологиях, инновационных программах, новых товарах и новых достижениях мировой науки. Как жаль, говорил он, что СССР отгородился от всего этого «железным занавесом», но Горбачеву в конце концов удалось его разрушить.

Алексей, как сирота, мог бы «откосить» от армии, как это сделали его одноклассники по Дому, но он твердо решил, что его дело – отдать Родине эти два года своей юности. Тем более, что после службы все отслужившие имели льготы при поступлении в вузы на бюджет, – и не нужно было собирать средства для поступления. Более того, Алексей еще не начинал служебную карьеру и надеялся, что поступив в Московский Горный, он приблизится к своей мечте, а не станет «планктоном» в чьем-то офисе.

На своей двухлетней службе Алексей получил в жизни несколько уроков. Во-первых, силу, мужество, закалку на долгие годы. Во-вторых, научился выполнять приказы командиров, а в-третьих – наиглавнейшее: узнал, наконец, информацию о своих родителях.

2

– У руководства округа есть мысль послать тебя и еще некоторых солдат из второй и третьей роты в военное училище. Нам нужны грамотные и физически сильные офицеры. Ты отличник боевой и технической подготовки, спортсмен-разрядник, первоклассный специалист военного дела. Ты сейчас зам. комвзвода и исполняешь обязанности командира взвода, офицерскую должность. Кому, как не тебе стать офицером...

– За предложение спасибо, товарищ подполковник, но у меня в жизни есть другое призвание.

– Алексей, сержант Петров, такие предложения не делаются каждому, тем более при твоём происхождении...

Алексей насторожился.

– А что вы знаете о моем происхождении?

– У меня в руках рассекреченные данные КГБ СССР, и есть кое-что и про тебя. Не так, чтобы очень, но в прошлом твои родители «наследили», и даже твою бабушку осудили за помощь в побеге «врагов народа». Суд был закрытый, но она, как партизан, молчала и от последнего слова отказалась.

– Она жива?

– Вроде пока еще жива. Ее выпустили из тюрьмы в 87-м, когда началась горбачевская «оттепель», и по-моему она по-прежнему живет в Москве, в своей старой квартире. Личное дело я тебе показать не могу, тут много «купюр», но кое-что могу рассказать... Твои родители – научные работники, фамилии сказать не могу. Они в прошлом – носители секретов военного ведомства. Отец – физик-ядерщик, мать – генетик. Оба профессора. В конце 70-х их завлекли в Московскую Хельсинкскую Группу вместе с диссидентом академиком Сахаровым. Знаешь такого?

Алексей молча кивнул.

– Затем группа распалась, всех арестовали, а твои родители, воспользовавшись участием в какой-то научной конференции, выехали из СССР и не вернулись. Обыск дал информацию об обширной деятельности твоих папы и мамы, как диссидентов, имеющих связи с НАТО и ОБСЕ за границей. Их исключили из союза ученых и дали понять, что их деятельность противоречит Конституции СССР. Но их уже было трудно остановить. Мать твоего отца арестовали, обвинив в пособничестве, и осудили на 10 лет как врага народа. Горбачевская «оттепель» позволила ей вернуться в Москву и очиститься от обвинений. Она живет...

– Сретенский бульвар... – пришло в голову Алексею?

– Да, где-то там. Точного адреса не знаю, в документах нет. Знаю, что ее зовут Софья Янковская. Можешь дать запрос в службу розыска...

– И все равно, я не готов посвятить себя военной службе.

– Жаль, жаль... Ну что ж, спасибо за откровенный ответ. Ты куда-то собрался поступать после армии?

– Да, хочу в Горный.

– Да, хороший вуз, один из старейших в Москве. Кстати, там на военной кафедре руководит мой однокашник по Артиллерийскому училищу – полковник Карасев. Если что, обращайся...

– Спасибо, товарищ подполковник.

– Лет пять назад, при советах, тебе бы не сделали такого предложения, а сейчас молодежь свободна, как птицы; учись, поступай куда угодно, были бы деньги.

Алексей промолчал.

– Разрешите идти, товарищ подполковник?

– Идите, сержант Петров. Запомни, Алексей, о нашем разговоре никому ни слова...

Дембель, последующие хождения по различным инстанциям с заявлением о выделении жилья как бывшим воспитанникам детских домов, вступительные экзамены в желанный Горный, «торжественное» вселение в собственную комнатку в многоэтажке, «обмывание» ордера с друзьями, новые знакомства, учеба, первая любовь, первые разочарования – все это на время отдалило встречу Алексея с его родной бабушкой, Софьей Янковской. Когда все более или менее улеглось, Алексей решил навестить ее, предварительно узнав адрес в справочном бюро. Конечно, ни дома, ни самого бульвара он не узнал. Слишком слабы были детские воспоминания. Поднявшись в квартиру №38 Алексей сильно волновался, не представляя, как ему представится, и узнает ли его бабушка Соня?

Квартира была опечатана, и на двери висело объявление, что по вопросам вселения обращаться в МЖК района. Телефон и адрес.

Зайдя в квартиру, Алексей увидел в ней разруху и запустение. Инспектор МЖК, впустивший его в квартиру, пояснил, «что София Марковна жила одна, соседи не видели ее неделями, и как она умерла – они тоже не смогли свидетельствовать в милиции. Уже прошел месяц с лишним, как она умерла. Квартиру опечатали, все вещи на своих местах, идет процесс переоформления лицевого счета на другого владельца».

– Если хотите, заберите все ценные вещи или вывезите их в другое место. В понедельник мы начинаем в квартире ремонт.

– Можете оставить мне ключ, чтобы я осмотрелся тут?

– Вообще-то не положено, потому что для этого нужно разрешение милиции... Сегодня уже пятница, конец рабочего дня... Ну, не знаю... В своем заявлении вы указали что София Марковна является вашей бабушкой... Наша начальница почему-то вам поверила... Не знаю почему. А можно, я заберу вот эту вазу и вон ту картину? Они ведь вам не пригодятся...

– Забирайте. Ключ принесу в понедельник утром.

Оставшись один, Алексей смахнул пыль с кресла, сел и задумался. Вот тут он провел свои первые годы жизни. Интересно, а что в столе? Ни старые вещи, ни шкафы, полки и пыльные ковры его не интересовали. Он хотел найти документы или хоть какие-нибудь сведения о родителях. Хоть что-нибудь. Видимо, во время ареста КГБ-шники поработали на славу. Ни имен, ни фамилий он так и не нашел. Нашел лишь пыльную папку со старыми фотографиями. Алексей долго разглядывал выцветшее фото, где двухлетний мальчик сидел на коленях у молодой женщины, а рядом был серьезный мужчина, который держал ее за руку. Они внимательно смотрели в объектив. На обороте фотографии не было ни имен, ни фамилий. Только дата и подпись: «Дорогой мамочке от любящих детей». Алексей поморщился, и из глаз показались непрошенная слеза.

– Сколько раз я мечтал, что в один прекрасный день директорша детского дома зайдет и скажет: «Алексей, за тобой пришли твои папа и мама», – думал молодой парень, не подозревавший, что он только что, сам того не ведая, начал трудный и опасный путь для встречи с ними.

3

Алексей сидел за компьютером и думал, обхватив голову руками.

«Ради этого я пять лет учился? Чтобы тупо сидеть в офисе этого ненасытного делка Рустамова? Не знаю, что он там заканчивал, но все лицензии на горные выработки он получает откуда-то „сверху“. Понятно, в Газпроме работает его кум, и снабжает свояка россыпью шахтных выработок, затампонированных еще при СССР. У Рустамова один „конек“ – бери и делай. Вся контора в разъездах. Все отчаянно „делают деньги“ на пустых буровых скважинах. Оформляют как изыскательскую, регистрируют, как фирму, через Рустамова закупают буровые установки, начинают бурение, заказывают институту проект и преподносят тому же Рустамову как готовую скважину, с подтвержденным Научным Институтом промышленным запасом всего, что шевелится: углем, золотом, нефтью, газом. Деньги приносят Рустамову чемоданами и богатеют сами».

Алексея пока не допускают до бабла, но присматриваются – чем он может обогатить хозяина. Алексей с тоской вспоминал свои институтские годы: летние горные походы, курсовые работы по готовым и новым проектам, расчеты запасов полезных ископаемых, Ирину...

– Ах, Ирина, – вспоминал Алексей. – Такая тонкая, стройная и красивая. И зачем я был ей нужен – детдомовский, без семьи и родственников, без денег и перспектив, и с надеждой только на себя и свои таланты?! Без протекции и друзей-мажоров? Фантастика!

И все-таки она выбрала в мужья его, несмотря на все уговоры подруг. То было незабываемое лето. Альпы, Франция, горные поселки, снаряжение, лыжные прогулки, спуск из зимы в лето по заснеженным Альпийским лугам, лыжи, шале, кофе по ночам... И зачем ей надо было садиться в тот подъемник?..

– У меня было предчувствие, – вспоминал Алексей тот злополучный вечер. – И откуда взялся этот чертов террорист... И как вообще люди идут на смерть ради каких то политических или экономических целей?

Взрывом раскидало людей, и самого террориста разорвало на куски. Было много полиции, корреспондентов, допрашивали свидетелей, знакомых, родственников. Из Москвы прилетели родители Иры. Они с ненавистью смотрели на него, – он же оказался жив, не погиб, а Ирина мертва – это несправедливо.

Все сейчас вспоминается, как в тумане, как дурной сон, как будто это проходило не с ним. А он раз за разом прокручивал, как кинофильм: как он стоял у подножья подъемника и смотрел, как в иллюминаторе подвесной гондолы покачивалась головка Ирины и головы других лыжников, решивших спуститься по летней альпийской лыжне в последний раз. Вот именно – в последний...

Алексей не являлся идеальным героем или положительным персонажем. Просто в черты его характера вложено много генетически устойчивых качеств, которые не поддаются воздействию внешних раздражителей. У него свое отношение к деньгам и путям их зарабатывания, к женщинам и технике завоевания их расположения, к шумным компаниям с их невоздержанным излиянием и ко многому другому. Двуличие, попойки или бытовой разврат полностью исключены из его менталитета. К людям, которые исповедуют эти слабости, он относился вполне доброжелательно, принимая их слабости, но никогда не следовал их советам поменять что-то в своем поведении. Иногда это мешало ему завоевывать расположение друзей или начальства, но, в принципе, позволяло всегда отстаивать свою точку зрения. Так было и в детстве, и в армии, и в институте, где он всегда отличался стойкостью характера и последовательностью своего поведения.

Будучи уже старшекурсником в Горном, Алексей встретил молоденькую абитуриентку Ирину, дочь «крутых» родителей, чьи должности позволяли им снисходительно смотреть

на «шалости» друзей и подруг круга своей дочери. Глядя на нее, Алексей отметил тонкие черты лица, шикарные длинные волосы, окрашенные в модный медный цвет, и легкую походку на высоком каблуке. Девушка необычно выделялась среди поступивших на первый курс.

– Интересно, – подумал тогда Алексей, – а как она будет лазить по горам в поисках точки установки маркшейдерского оборудования – первого задания студентов-первокурсников?

Но как-то раз, оказавшись руководителем группы новичков, он с удивлением отметил, что эта девушка, Ирина, без труда справлялась с самыми трудными горными тропами, где «пасовали» даже юноши. Разговорившись с ней на привале, Алексей узнал, что ее отец – в прошлом промышленный альпинист и имел восхождение на Эверест. Это именно отец привил Ирине любовь к горам, и ее выбор поступить в Горный не случаен. Встречаясь позднее в коридорах института, они улыбались друг другу. И однажды Алексей осмелился пригласить Ирину на чашку кофе.

По мере общения Алексей все больше и больше увлекался Ириной, отмечая про себя сходство их характеров и отношения к происходящему вокруг них. Она не сторонилась своих друзей-«мажоров», но всегда старалась увильнуть от шумных компаний и всеобщих дискотек. Зная о своей привлекательной внешности, она всегда пыталась отшутиться от слишком назойливых кавалеров. Несмотря на скромную одежду Алексея, ей импонировало его вежливое поведение, противоположное развязности мужчин ее окружения. Высокий, сильный парень, без особых запросов, как ей казалось, – Алексей был надежным «плечом» и партнером по ее увлечениям спортом и активному отдыху. Ее подруги были немного шокированы новым «ухажером» Ирины, но побыв несколько раз в обществе с ним, убедились, что Алексей – «парень что надо», почти киногерой из известных советских фильмов, положительный и простой. Они отмечали его широкий кругозор в политической и социальной жизни современной России; особенно оценили знание иностранных языков, которыми он увлекался с детства и профессионально усовершенствовался уже в Горном. Короче, как жених для Ирины, Алексей подходил на все 100%.

Глава третья

1

– Подъем. Выходи строиться!

Отец хватал босоногого Якова и высоко подбрасывал. Почти до потолка! Стоявшая рядом Софа замирала от страха – а вдруг не поймает? Но отец крепко держал своего первенца и, подбросив несколько раз, под визг малыша и его мамы осторожно ставил его на пол. Полковой комиссар Семен Ройзман, несмотря на молодой возраст, имел все шансы стать штабным офицером Генерального штаба западной группировки войск. И учеба в Академии, и участие в Манчжурском походе, и странная война в Финляндии быстро вывели перспективного офицера в высший ранг военного сословия. Карьера ему была обеспечена, и генеральское звание уже маячило на горизонте.

Семен выгодно отличался от своих коллег-офицеров прежде всего корочками выпускника Академии Генерального штаба. Семен никогда не кичился своими знаниями, понимая, что его коллеги-недоучки завоевывали себе звания еще в гражданскую, героизмом и преданностью партии. Как офицер Ройзман не был фанатиком ни партии, ни советской армии, поэтому всегда относился к своим обязанностям и подчиненным с показной строгостью, в действительности же поучая своего сыночка правилам воинской службы.

– Никогда не спорь с командиром и всегда говори «Есть! Так точно!». Пусть ты не согласен с приказом, но главное сказать: «Есть!» А выполнить приказ – как получится. Сможешь — выполни, не сможешь – найди вескую причину. Но главное сказать командиру в лицо: «Есть!»

– Чему ты учишь ребенка, товарищ инженер-полковник?

Семен, не привыкший еще к новым воинским званиям, парировал.: «Тебе бы, генеральша инженерная, лучше смотреть за сыном».

Софья Марковна обиженно говорила:

– Яшка может уже в первый класс не ходить. Я его уже всему научила: и читать, и писать, и считать.

– Еще бы, ты же учительница, хотя нынешнюю школьную программу не понимаешь...

– Да в ней вода на киселе. Разве это школьная программа? Ты бы посмотрел, чему там учат детей. Вот, например, математика: партийная ячейка завода насчитывает 14 членов партии, пять беспартийных выдвиженцев и восемь кандидатов в члены партии. Какова полноценная партийная прослойка на заводе?

– Подумаешь, нашла чему сердиться. 14 плюс восемь – вот и вся партийная прослойка на этом заводе.

– А вот и неправильно. Кандидаты в члены партии потому и кандидаты, что они еще не являются полноценными партийцами, и некоторых из них могут и не принять в члены на общем партийном собрании.

– Так, не морочь мне голову. Надвигаются серьезные события. Штаб западной группировки перебрасывают на запад. Я буду редко бывать дома. Будешь за офицерским аттестатом приходить каждый месяц в столовую...

Похоронка пришла в феврале 45-го: полковник инженерных войск Семен Ройзман погиб в боях под Вислой...

Яшка рыдал вместе с матерью, не понимая глубины и величины утраты для мамы Сони. Он просто понимал, что папа больше не приедет. Никогда. Для Софьи эта была утрата целого мира, который воплощал в себе Семен. Мир рухнул.

2

Во втором классе 187 школы было всего 14 учеников. Только у двоих школьников были отцы, а у остальных – то ли на фронте, то ли, как у Якова, вместо отцов пришли похоронки. Несмотря на военные сложные времена, школа жила своею жизнью. Были пионерские организации и комсомольские ячейки. Все жили ожиданием окончания войны. В апреле 45-го, наконец, пришли вести о капитуляции Германии. Дети всем классом ходили на Красную Площадь, где толпы людей ждали новых сообщений Информбюро. Торжественно взволнованный голос диктора Левитана каждый час озвучивал на всю страну ход военных действий в самом логове фашизма. Невообразима была радость людей, когда Левитан объявил о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Люди целовались, обнимались, и ликование не было предела. В один из таких дней, вернувшись домой, Яков застал свою маму в слезах.

– Сынок, понимаешь, больше я не смогу преподавать в твоей школе. Кто-то из родителей учеников написал в органы, что я польская эмигрантка и не имею права учить детей пролетарской страны.

Малолетний Яша ничего не понял из слов матери; понял, что ее больше не будет в школе, и он не сможет на переменках бегать в учительскую получить от мамы какую-нибудь вкусную вещьцу – то ли конфетку, то ли кусочек корочки ржаного хлеба.

– Надо идти в МГБ, – твердо сказала мама. Завернув в тряпочку все награды мужа, взяв письмо-похоронку, мама Софа вместе с сыном отправилась на площадь Дзержинского, где располагался комиссариат МГБ. Якова не пропустил усатый солдат на входе, и ему пришлось почти два часа ожидать на улице. Наконец, мама вышла из здания и твердо сказала:

– Я все-таки буду преподавать. Не в твоей школе, а в школе рабочей молодежи. Правда, это далековато и надо ехать на трамвае, но работы я не лишилась. Следователь-фронтовик, раненый и без руки, рассмотрев мою жалобу объяснил: «Софья Марковна, я вас понимаю, но действительно вы сейчас не можете преподавать несформировавшимся детям. Они потеряли родных и близких на этой войне. Взрослые ученики – это другое дело. Ваши знания нужны им. Страна долго воевала. Вы полячка по национальности. Множество националистических и враждебных течений сейчас бродит в обществе. Давайте подождем несколько лет. А пока – работайте со взрослыми, рабочими заводов и фабрик, бывшими фронтовиками. Думаю, вы найдете применение своим знаниям и способностям».

Этот урок прошел почти бесследно мимо Якова, потому что он был слишком юн, чтобы понять трагедию матери. Первый удар в свое сердце он получил, учась уже в восьмом класса московской гимназии имени Луначарского. После смерти Сталина, которая потрясла все основы страны советов ему на парту положили записку «*ЖИД! Убирайся из школы. жида убили Сталина*». Теперь пришла очередь Якова переживать за свое состояние, и мама успокаивала его.

– Не обращай внимания, сынок. В мире много несправедливости и жестокости. Немцы уничтожали евреев, сжигали их в печах концлагерей, расстреливали. Пытались навесить на целый народ вину за свои ошибки. Терпи, такая у тебя судьба. Привыкай...

И Яков привыкал... И к словам «жид, еврейское отродье, предатели», и к поведению людей, облеченных властью. Не помогало и то, что его отец погиб на фронте, был боевым офицером-полковником. Наступил период жизни, когда вчерашние друзья притворялись, что не понимают причин его переживаний.

В Московский университет Яков поступил со второй попытки – в запасе был год, когда над его образованием работала мама Софа. Военная кафедра была только на медицинском факультете и на историко-юридическом, куда с фамилией Ройзман вход был запрещен. Оставались лишь прикладные науки: физико-математический, химический и прочая палитра педа-

гогических наук. Яков выбрал физику, тем более, что в ней в классе ему не было равных. Осенью его призвали в армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.